

О.А. Козлова

Культурологический аспект оценочного действия

Процесс познания формируется такими действиями как восприятие, осмысление и оценка. Будучи компонентом познавательного процесса, наряду с восприятием и мышлением, оценочное действие происходит в форме психологического процесса, в ходе которого устанавливается ценность некоего предмета или явления окружающей действительности для субъекта познания, в то время как содержание оценочного действия определяется социокультурным контекстом, в рамках которого функционирует конкретное ценностное значение [1, с. 64].

В лингвистической теории оценочное действие рассматривается с нескольких позиций (в зависимости от того, положен ли в его основу процессуальный или констатирующий характер) и определяется как акт практического взаимодействия субъекта, обладающего потребностью, и объекта, наделенного соответствующими свойствами [2, с. 47], как мыслительная процедура и в то же время как акт, фиксирующий результат мыслительной процедуры [3, с. 19], а также как результат оценочного отношения к предмету.

В процессе восприятия и познания окружающего мира его объекты, события и явления вызывают определенные эмоции и чувства индивида. В этом случае выделяются те признаки и свойства познаваемых объектов, которые являются наиболее значимыми, отвечающими его потребностям, предпочтениям, интересам, мотивам, эмоциональному состоянию. Выделенные признаки сопоставляются с признаками других объектов, соотносятся с нормативными установками, имеющимся опытом, после чего происходит приписывание объекту каких-либо признаков, его размещение на оси «хорошо / плохо». Это позволяет сформировать оценочное мнение об объекте познания, которое может служить основой для формирования отношения [4, с. 137] и возникновения новых эмоций [5, с. 165]. Всякое последующее мнение подвергается влиянию со стороны как индивидуальной системы ценностей, включающей в том числе и социокультурные нормативно-ценностные ориентации [6, с. 81], так и со стороны уже сформированного отношения к конкретному объекту. Результаты оценочного действия могут, в свою очередь, послужить основой планирования и осуществления определенных действий в отношении оцениваемого объекта и ситуации в целом.

В осуществлении оценочного действия, формировании стратегии поведения и принятии решений особую значимость приобретает социокультурный фак-

тор, поскольку именно культура отражает специфику существующей системы ценностей, ложится в основу оценочной шкалы и задает образцы социального поведения и восприятия мира.

В зависимости от аспекта, на котором делается акцент, культура может быть определена по-разному. Например, существуют описательные определения, основанные на перечислении всех слагаемых культуры, согласно которым культура есть не что иное, как совокупность знаний, верований, законов, традиций, искусства, привычек, усвоенных человеком как членом общества. Исторические определения фокусируются на процессах социального наследования и традициях, что делает их односторонними, поскольку в рамках такого подхода не уделяется внимания деятельности человека по развитию и изменению культуры, которая предстает в форме застывшего конструкта. Еще одно определение ориентировано на представления об идеалах, ценностях и образе жизни, которому следует та или иная общность людей. Здесь культура представляется как совокупность стандартизированных верований, практик и нормативно-ценностных установок. В трактовке психологического ракурса культура рассматривается с точки зрения процессов адаптации к условиям окружающей среды, научения или формирования привычек. Структурные характеристики основываются на том, что любая культура имеет структурную организацию и представляет собой организованные, повторяющиеся реакции членов общества, сочетание наученного поведения и поведенческих результатов, компоненты которых разделяются и передаются по наследству членами данного общества. Существует также генетический подход к объекту «культура». Он основан на роли символов, идей, на том утверждении, что культура представляет собой артефакт, который создается и модифицируется национальной общностью людей и отличает человека от животных [7, с. 44–47; 8, с. 97].

Согласно разным критериям классификации культура может определяться как материальная и духовная, внутренняя и внешняя, культура личности и культура нации, а также отраслевая (правовая, художественная, нравственная и др.) и культура различных слоев общества (крестьянская, аристократическая и др.). При этом каждый тип культуры вырабатывает свой символический язык и представляет свой «образ мира», в котором приобретают значения элементы определенного языка.

Выделяется ряд компонентов культуры, которые несут национально-специфическую окраску и могут служить основанием оценки. Это в первую очередь бытовая культура и традиции, которые представляют собой наиболее устойчивые элементы культуры, обычаи и обряды, связанные с социальными нормативными установками и стандартами. Сюда также относят повседневное поведение, включающее привычки и нормы общения, мимические и пантомимические коды, которые используются представителями той или иной культуры, этноса или социальной группы (например молодежной панк-культуры). Другим элементом культуры принято считать художественную культуру, являющуюся отражением национальных традиций. Кроме того, к национально-специфичным компонентам причисляются национальные картины мира, обуславливающие национальные особенности мышления и восприятия предметов и явлений окружающего мира [9, с. 28].

На основе указанных элементов в культуре каждой языковой общности можно выделить некоторые единицы (концепты) коллективного знания, определяющие мировоззрение носителей языка, «отмеченные этнокультурной спецификой» [10, с. 270], которые «выражаются лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками, отражающими повторяющиеся фрагменты социальной жизни» [11, с. 14]. В число таких единиц (концептов) могут быть включены «судьба», «тоска», «воля» для русской культуры, «Ordnung – порядок», «Befehl – приказ», «Angst – страх» для немецкой, «Freedom – свобода», «Privacy – приватность», «Enterprise – предприимчивость» для английской, «чистота», «вежливость», «коллективизм», «сакура» для японской [11–13]. Они являются уникальными кодами, которые, с одной стороны, препятствуют пониманию этнокультурных особенностей и ценностей, а с другой – при условии их успешного прочтения – способствуют ему.

Эти концепты по-разному вербализуются в разных языках в зависимости от собственно языковых, прагматических и культурологических факторов. Существование множества вариантов обозначения тех или иных объектов окружающего мира, передающих самые разнообразные оттенки обозначаемого, свидетельствует о значимости данного объекта для определенной лингвокультурной общности. В качестве примера здесь могут служить многочисленные наименования снега, существующие в культуре эскимосов, и песка – в культуре арабов. Особенности культуры того или иного народа находят отражение в способах конкретизации и квалификации. Так, англичане «жертвуют маленькой рыбой ради поимки большой» (где под рыбой подразумевается нечто значимое, ценное, представляющее интерес), амери-

канцы сетуют на то, что «волосы не лежат» (имеется в виду, что день не заладился), японцы говорят о том, что кто-то «вошел в их дом, не разувшись» (т.е. был неприлично груб, невежлив) [12, с. 20; 13, с. 43; 14, с. 53]. Англичанин скажет «he is fighting like a pike» – «он борется за жизнь, как щука», восхищаясь чьей-либо изворотливостью и стойкостью, а русский – «бьется, как рыба об лед» (имеется в виду тщетность усилий и безысходность) [11, с. 15].

У англичан, всячески оберегающих свои традиции, понятие *old* часто ассоциируется с положительной оценкой, отсюда словосочетания типа *good old England*. Их склонность к сдержанности и уходу от конфликтов отражается в выражениях типа «to make a hullabaloo, a fuss, hurly-burly, hue-and-cry; hubbub», характеризующих поведение, которое считается неприемлемым и всячески осуждается.

Появление в американской культуре понятия «политкорректность» стало причиной целого ряда табу и эвфемизмов. Так, темнокожих жителей Северной Америки следует называть «Afro-Americans», бедных – «socially unprivileged», некрасивых – «unfortunate looking» и т.д. Противопоставление «черное/белое», подразумевающее в русской культуре «добро/зло», в американской культуре попросту невозможно, поскольку оно дискриминирует определенную часть их нации и, следовательно, является недопустимым.

Попытки мужчин-иностранцев говорить на японском языке часто вызывают смех окружающих, потому что они учились языку у своих подруг. Однако употребление женщиной грубых мужских форм будет восприниматься скорее с осуждением, чем со смехом [13, с. 53].

В языке культуры единицы естественного языка приобретают дополнительную, культурную семантику, и одно и то же словосочетание или выражение может употребляться совершенно по-разному. Социокультурные особенности придают единицам языка дополнительные значения, которые могут не совпадать и даже противостоять друг другу в разных лингвокультурных общностях. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, словосочетание «черная кошка» в русском языке обозначает, как и «black cat» в английском, домашнее животное – кошку, одного и того же цвета – черного. Однако в русской культуре, согласно примете, черная кошка приносит несчастье, а потому словосочетание имеет отрицательные коннотации. А у англичан черные кошки – знак удачи, неожиданного счастья, и на открытках с надписью «Good Luck» сидят именно черные кошки [9, с. 54]. В то же время невозможно было бы исследовать культурные различия, если бы значения всех слов были культурно детерминированы.

Необходимо отметить, что язык, отражая опыт, накопленный определенной лингвокультурной общностью, не создает для ее членов какой-то новой картины

мира, отличной от объективно существующей. Скорее в языке фиксируются национальные особенности восприятия окружающего мира, которые обусловлены значимостью конкретных предметов и явлений, приобретенной ими в связи с определенной спецификой образа жизни и национальной культуры этой общности. В результате черты национального характера, мировоззрение, ценностные ориентации и нормативные установки, получая представление в языке, становятся достоянием всех его носителей. Несмотря на то, что в процессе развития, роста и взросления у человека складываются собственные предпочтения, появляются индивидуальные критерии оценки, в ходе познания нового, сравнения человек формирует свое видение мира и осуществляет оценочную деятельность не столько на основе самостоятельной переработки своих мыслей и переживаний, сколько в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его предков.

Благодаря оценочным действиям человек способен быстро ориентироваться в окружающем мире и адекватно реагировать на те или иные изменения, адаптироваться, выделяя параметры, необходимые и значимые для обеспечения благоприятных условий существования и развития [15, с. 4]. Понимание того, что «хорошо», а что «плохо», что есть благо, дает человеку возможность выработки соответствующей стратегии поведения, в том числе и речевого, в той или иной ситуации. Основываясь на этом знании, че-

ловек приобретает возможность принимать решения, делать выбор.

То, чему не находится места на оси «хорошо–плохо», является либо невидимым для субъекта познания, либо безразличным для него. Объект окружающего мира может не представлять интереса, не иметь значимости, не приносить пользы, не являться источником блага, тогда отпадает необходимость в его профилировании относительно фона, в его оценке, приписывании ему той или иной степени ценности.

Отношение человека к миру фактов и созданных им артефактов определяется существующей на каждый данный момент и принятой обществом системой ценностей [4, с. 71]. Лишь единичные культурно значимые понятия и нормативные установки остаются застывшими и неизменными, чаще всего, это общечеловеческие, универсальные ценности. Культурно значимые единицы оказывают влияние как на принципы построения высказываний, так и на их восприятие, они создают предпосылки для оценочного действия, поскольку являются итогом наблюдения, осмысления и классификации различных ситуаций, возникавших и возникающих в конкретном обществе в различные периоды социального становления и развития. Их наличие позволяет определять оптимальные условия реализации тех или иных намерений и планировать дальнейшую деятельность.

Библиографический список

1. Каган, М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб., 1997.
2. Василенко, В.А. Ценность и ценностные отношения / В.А. Василенко // Проблема ценности в философии. – М.; Л., 1966.
3. Ляпон, М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст (к типологии внутритекстовых отношений) / М.В. Ляпон. – М., 1986.
4. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М., 1985.
5. Хапсировов, А.Я. Отражение и оценка / А.Я. Хапсировов. – Горький, 1972.
6. Трунова, О.В. Природа и языковой статус категории модальности (на материале английского языка) / О.В. Трунова. – Барнаул; Новосибирск, 1991.
7. Ионин, Л.Г. Социология культуры / Л.Г. Ионин. – М., 1996.
8. Рысь, Ю.И. Социология: структурно-логические схемы с комментариями / Ю.И. Рысь, В.Е. Степанов. – М., 1999.
9. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М., 2000.
10. Воркачев, С.Г. Культурный концепт и значение / С.Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. – Т. 17. – Вып. 2. – Краснодар, 2003.
11. Карасик, В.И. О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград, 2001.
12. Майол, Э. Эти странные англичане / Э. Майол, Д. Милстед. – М., 2001.
13. Кадзи, С. Эти странные японцы / С. Кадзи, Н. Хама, Д. Раис. – М., 2001.
14. Фол, С. Эти странные американцы / С. Фол. – М., 2001.
15. Арсеньева, Е.Ф. Когнитивная лингвистика и категория оценки во фразеологии / Е.Ф. Арсеньева // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития: материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. – Тамбов, 1998.